

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5

ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

Названной теме был посвящен очередной "круглый стол", проведенный редакцией "Одиссея" в апреле 1999 г. Ниже публикуются переработанные и дополненные, иногда значительно, тексты выступлений его участников, а также сообщения М.А. Чешкова и Л.М. Боткина, поступившие в редакцию позднее.

П.Ю. Уваров

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

"История не знает сослагательного наклонения", - мы все воспитаны на этой строгой фразе. Обычно она произносится тоном, отбивающим всякую охоту спорить. Да и как спорить с этим историком, который опасается утратить свою профессиональную идентичность, балансируя между жанрами фантастики и философии, сразу воспаряющей к предельным категориальным оппозициям — "необходимое и случайное", "потенция и акт", "свобода и необходимость", "сущность и явление". Однако, оглядевшись по сторонам, мы с удивлением обнаруживаем, что хотя история сослагательного наклонения, может быть, и не знает, но историки активно им пользуются, и даже не только и не столько профессиональные историки, сколько те, кто прибегает к "историческим" аргументам.

Примеры встречаются на каждом шагу. Область международных отношений, казалось бы, располагает к строгости определений и подходов. Но в отношениях стран Балтии с Россией в 90-х годах постоянно высказывалось утверждение: если бы в 1940 г. эти республики не стали советскими, то они развивались бы совсем по-другому, достигнув высот Швеции или Исландии. А поскольку они сейчас находятся несколько в ином положении, то Россия, как правопреемник СССР, должна компенсировать разницу, исправив историческую несправедливость. Это можно было услышать не только от журналистов, но и от облеченных властью политиков. И это лишь один, не самый яркий и относительно безобидный случай прикладного использования исторической сослагательности в Большой политике.

Что-то произошло в обществе — и возник спрос на сослагательность. Вспомним сенсационный успех "Невозвращенца" А. Кабакова. Я никогда не занимался литературной критикой, но осмелюсь предположить, что огромная популярность "Острова Крым" В. Аксенова вы-

звана не столько языковыми экспериментами автора или нравственно-эротическими исканиями героя, сколько возможностью наблюдать изображенное Аксеновым инобытие России в наши дни, возникшее из предположения, что Перекоп не был взят Красной армией в 1920 г. Воздействие этого произведения было не только эстетическим. В Симферополе начала даже издаваться газета "Остров Крым" и появилось одноименное политическое движение. Историкам еще предстоит измерить этих книг в событиях конца 80-х - начала 90-х годов.

Как-то незаметно отошли в прошлое утопии и антиутопии, поредели полки с научной фантастикой, зато небывало расцвел жанр "фэнтэзи". Одна за другой такие книги становятся культовыми, а это значит, что есть читатели, которые "заигрываются", не желают покидать удивительный мир, такой "жизненный" и вместе с тем "другой", не похожий на наш. Рынок реагирует на растущий спрос - и многие наши талантливые коллеги меняют амплуа, прилагая свои знания к моделированию иных миров: на стезе, проторенной некогда филологом Толкием ("Хранители") и теологом Льюисом ("Хроники Нарнии"), преуспевают ныне этнолог Семенова ("Волкодав") и востоковед Латынина ("Колдуны и министры").

Гуманитарии, рассуждающие о сослагательности, часто используют термин "виртуальная история". Даем ли мы себе отчет в том, как сильно изменилась коннотация этого прилагательного? Лет десять-пятнадцать назад под "виртуальным" понималось "воображаемое", "возможное", т.е. подчеркивался момент несостоявшегося, нереального, да и само слово это было экзотичным. Теперь же мы встречаем его на каждом шагу, и выражения "виртуальные деньги", "виртуальная книга", "виртуальная газета" обозначают нечто, что существует, хотя его и нельзя потрогать руками. Компьютер, с его способностью творить виртуальные миры, не только по-своему возражает сентенции об "истории, не знающей сослагательного наклонения", но и может привести к полному ее забвению следующим поколением, выросшем на играх в "цивилизацию".

Таким образом, обращение к теме нашего "круглого стола", что называется, "продиктовано временем". Но и без социального заказа, точнее, не осознавая его, любой практикующий историк так или иначе сталкивался в своей деятельности с этой проблемой. Сошлюсь на свой скромный опыт франковеда. Если подойти к истории Франции XV в., не с позиций "тирании свершившегося факта", то очевидно, что для выхода из кризиса, в котором оказалась Франция в 10-20-х годах XV в., имелись как минимум три возможности: путь объединенной, "двойной" (англо-французской) монархии, путь "дофина Карла" (т.е. тот путь, за который ратовала Жанна д'Арк) и "бургундский" путь. С точки зрения объективных факторов последняя альтернатива была лучше обоснована: богатые земли - Нормандия, Парижский бассейн, Шампань, Северо-Восток Франции, а также территории герцога Бургундского (Ни-

дерланды и Бургундия) - были связаны воедино, и экономика обуславливала движение именно по данному пути. Этого не произошло по причинам субъективным и во многом случайным. Кстати, еще Вольтер обратил внимание на эту "точку бифуркации" во французской истории: если бы Генрих V не умер молодым и полным сил, то история, возможно, повернулась бы по-другому, и тогда впоследствии все издевались бы над необоснованными претензиями на трон коварного убийцы сомнительного происхождения (т.е. дофина Карла, который в действительности стал Карлом VII).

Но французская история и во второй половине XV в. продолжала демонстрировать борьбу альтернатив. Наряду с победившей моделью централизованной монархии и государства-нации по-прежнему существовала "бургундская альтернатива", реально представленная государством герцогов Бургундских. Единство этого богатейшего региона в самом сердце Европы, обладавшего громадными материальными ресурсами и высочайшей культурой, но лишённого центра, национального ядра, давней монархической традиции, поддерживалось гибкой политикой "Великих герцогов Запада", системой их договоров с традиционными локальными элитами, основанных на балансе интересов и уважении местных традиций и вольностей. Но и эта тенденция не была реализована — случайная смерть Карла Смелого поставила точку в этом "эксперименте", и Бургундия распалась.

Сей результат оказался настолько убедительным сторонникам "линейной модели" исторической эволюции, что история земель герцога Бургундского обрела у них статус типичного "недоразумения", поучительного зигзага истории, подправленного законами исторической необходимости. Дошло до того, что из французских "Всеобщих историй" история Нидерландов XV в. полностью исчезла. Это можно было бы объяснить некоторыми особенностями французской историографии как элемента национальной идентичности. Но и у наших историков, давших высокую оценку Северному Возрождению и "Новому благочестию" (при том, что Брюгге, а потом и Антверпен оценивались как центры складывающейся европейской экономической системы), нет ни слова о политической истории того государства, где наблюдались эти любопытные явления. Молчали об этом "Всемирная история" 50-х, "История Европы" 80-х годов, многочисленные редакции учебников по истории средних веков, включая самую последнюю. Такого государства не было, потому что оно было "неправильным" и не имело будущего.

Однако альтернатива продолжала существовать - в виде габсбургских Нидерландов и тех структур, что образовались на их основе. Это были нецентрализованные государства, имевшие богатейшую историю, претендующие на роль важных интеллектуальных, культурных и экономических центров Европы. Обломки "другой Франции", остатки "бургундской державы", несмотря на языковое родство с французами, с XVI по XIX в. упорно воевали за то, чтобы французами не быть. И ее-

ли в XIX в. и вплоть до 60-х годов века XX страны Бенилюкса рассматривались как периферийный регион, то ныне, когда модель национального государства уже не считается высшим достижением прогресса, они видятся примером другой, весьма устойчивой модели развития, вновь претендуя на роль сердца объединенной Европы. Данный пример показывает не только наличие альтернатив в истории и не только их "долгоиграющий потенциал", но и прямую связь этой проблемы с позицией наблюдателя.

Альтернативы и исторические возможности, разумеется, могут и не иметь глобального характера. В хранилище парижских нотариальных актов я обнаружил документ о разделе семейного имущества, составленный в 1536 г. Заявитель, помимо прочего, сообщает, что после смерти брата он, чтобы помочь своим осиротевшим племянникам, вынужден был поступить на службу частным учителем в семью герцогов Лотарингских. Это был Николь Леклерк, синдик факультета теологии, ставший одним из вдохновителей французской Контрреформации. Его воспитанники герцог Гиз и кардинал Лотарингский на рубеже 50-60-х годов XVI в. возглавят ультракатолический лагерь и втянут страну в нескончаемые религиозные войны. Если бы семейная ситуация Лек-лерков была иной и воспитание юных герцогов было бы доверено учителю-гуманисту, не стал бы иным ход французской истории?

Такого рода размышления покажутся, может быть, безответственными и бесполезными, но надо отметить, что вполне авторитетные историки уже довольно давно рассуждают подобным образом.

Вспомним книгу А.А. Зимина "Витязь на распутье", где ставится вопрос о том, что победа Василия Шемяки над Василием Темным могла бы положить начало другому (по мнению автора - более гармоничному) пути развития Руси. Н.Е. Носов видел альтернативу крепостническому пути развития страны, представленному центральными районами, — в северном варианте эволюции, с опорой на промыслы и свободное крестьянское хозяйство. Элемент сослагательности часто включается в систему доказательств. Р. Конквист в "Большом терроре" исходил из того, что судя по демографической динамике, заданной в начале XX в., несмотря на потери в войне, в СССР к 70-м годам должно было бы проживать более 300 млн жителей. Исчезновение трети "виртуального населения" служило для него доказательством гипотезы о массовых репрессиях, которая в дальнейшем нашла богатое документальное подтверждение.

Доля сослагательности присутствует и в некогда столь почитаемом историками моделировании, достаточно сослаться на труды И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова. Ю.М. Лотман в последних своих работах ("Культура и взрыв", "Изъявление господне или азартная игра"?) увидел в исторической альтернативности и случайности важнейшую пружину культурно-исторической динамики. Тогда же, в самом начале 90-х годов, в Донецке Я.Г. Шемякин, А.В. Коротаев, И.Н. Ионов и

М.В. Дмитриев опубликовали свои интересные рассуждения в сборнике "Альтернативность истории", изданном под эгидой Советской ассоциации молодых историков. К сожалению, очередная историческая бифуркация аннигилировала эту многообещающую организацию, заодно превратив Донецк в заграничный город, и эта работа осталась, на мой взгляд, не востребованной российским сообществом историков.

На этот же период приходится второе открытие или "реабилитация" А. Тойнби (публикация "Постижения истории") и, следовательно, опытов "контрфактического моделирования" древней истории, предпринятых этим "маститым буржуазным историком". Дополнительные импульсы в обсуждение этих тем привнесла "новая наука", известная в нашей стране в основном через Брюссельскую школу (первой ласточкой был перевод книги И. Пригожина и И. Стенгерс "Порядок из хаоса").

Специальный выпуск журнала "Thesis" (1994, № 5), посвященный риску, неопределенности, случайности, в своей подборке переводов уделил место и проблеме сослагательности в истории. Трактовались эти проблемы и в монографии И.М. Савельевой и А.В. Полетаева "Историк и время" (1997). В "Одиссее 1997" под видом рецензии опубликовано эссе М.Ю. Парамоновой "Несостоявшаяся история: аргумент в споре об исторической объективности?", в котором сопоставляются подходы к этой проблеме, предложенные немецким историком А. Де-мандом и Ю.М. Лотманом.

Конечно, историки чаще теоретизируют о принципиальной возможности использования сослагательного наклонения, чем пытаются применить его в своих штудиях. Одним из немногочисленных примеров реального опыта такого применения могут служить работы С.А. Экшута.

Таким образом, участники нашего "круглого стола" далеки от того, чтобы претендовать на роль первооткрывателей, вопиющих в пустыне. Речь пойдет, как я надеюсь, скорее о некоторых "рабочих" вопросах: о границах использования сослагательного наклонения, о применяемых при этом процедурах, об этических проблемах, о таящихся на этом пути сюрпризах.

Казалось бы, сослагательная история антитоталитарна и высокоморальна по своей сути. Долгое время нас учили, что есть лишь бездушные исторические закономерности и "локомотивы истории", не оставляющие человеку никакого выбора. Поэтому, когда в 80-х годах (и даже раньше) с замиранием сердца начали произносить вслух слово "историческая альтернатива", в этом виделся акт гражданского мужества. Когда же историки, отстаивающие альтернативность, смогли объединиться и открыто изложить свои взгляды, изданная ими книга получила название "Иного не дано". На этом парадоксе я и хотел бы пока поставить точку.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshvsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

A.Ya. Gurevich

CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
DISCUSSION	58

L.M. Batkm

THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
--	----

P.Yu. Uvarov

JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78
--	----

THE HUMANITIES' ISSUES

Vyach. Vs. Ivanov

PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
--	----

Martin Dinges

HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
--	----

A.Ya. Gurevich

SUMMING UP	125
------------	-----

V.I. Strelkov

NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139
--	-----

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

Neithard Bulst

THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
--	-----

P.V. Krylov

JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
--	-----

A.L. Yurganov

FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194
--	-----

THE IMAGE OF THE "OTHER"

O.A. Savelyeva

THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207
--	-----

V.K. Ronm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333